А. А. Сабашникова [a]
ORCID: 0000-0002-1490-3791
✉ *asabashnikova@hse.ru*
Я. С. Линкова [a]
ORCID: 0000-0003-3950-7426
✉ *yalinkova@hse.ru*
[a] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

Литература о повседневности и повседневность в литературе (обзор книг В. А. Мильчиной)

Обзор книг:

- *Мильчина В.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. — М.: Нов. лит. обозрение, 2013. — 944 с.: ил. — (Культура повседневности).
- Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / Сост., вступ. ст. и ред. пер. В. Мильчиной. — М.: Нов. лит. обозрение, 2014. — 832 с.: ил. — (Культура повседневности).
- Сцены частной и общественной жизни животных: этюды современных нравов / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. В. Мильчиной. — М.: Нов. лит. обозрение, 2015. — 656 с.: ил. — (Культура повседневности).
- *Мильчина В.* Имена парижских улиц: путеводитель по названиям. — М.: Нов. лит. обозрение, 2016. — 320 с. — (Культура повседневности).
- *Мильчина В.* Парижане о себе и о своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного» (1831–1834). — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 696 с.

Благодарности. В работе использованы результаты проекта «Литературный процесс в контексте интеллектуальной истории», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Для цитирования: *Сабашникова А. А., Линкова Я. С.* Литература о повседневности и повседневность в литературе (обзор книг В. А. Мильчиной) // Шаги/ Steps. Т. 6. № 1. 2020. С. 229–242. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-1-229-242.

Обзор поступил в редакцию 5 ноября 2019 г.
Принято к печати 20 ноября 2019 г.

© А. А. САБАШНИКОВА, Я. С. ЛИНКОВА

A. A. Sabashnikova [a]
ORCID: 0000-0002-1490-3791
✉ *asabashnikova@hse.ru*
Ya. S. Linkova [a]
ORCID: 0000-0003-3950-7426
✉ *yalinkova@hse.ru*
[a] *National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow)*

Literature about everyday life and everyday life in literature (A review of books by V. A. Milchina)

A review of:

- Milchina, V. (2013). *Parizh v 1814–1848 godakh: povsednevnaia zhizn'* [Paris in 1814–1848: Everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 944 p., ill. (Kul'tura povsednevnosti). (In Russian).
- Milchina, V. (Ed., Trans., Intro.) (2014). *Frantsuzy, narisovannye imi samimi. Parizhanki* [Frenchmen painted by themselves. Parisian women]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 832 p., ill. (Kul'tura povsednevnosti). (In Russian).
- Milchina, V. (Ed., Trans., Intro, Comment.) (2015). *Stseny chastnoi i obshchestvennoi zhizni zhivotnykh* [Life of animals: Private and public scenes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 656 p., ill. (Kul'tura povsednevnosti). (In Russian).
- Milchina, V. (2016). *Imena parizhskikh ulits: putevoditel' po nazvaniiam* [Names of Parisian streets: Street names guide]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 320 p. (Kul'tura povsednevnosti). (In Russian).
- Milchina, V. (2019). *Parizhane o sebe i o svoem gorode: "Parizh, ili Kniga Sta i odnogo"* (1831–1834) [Parisians about themselves and their city: Paris, or *The Book of Hundred and One* (1831–1834)]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhIGS. 696 p. (In Russian).

Acknowledgements. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2019.

To cite this review: Sabashnikova, A. A., Linkova, Ya. S. (2020). Literature about everyday life and everyday life in literature (A review of books by V. A. Milchina). *Shagi/Steps, 6*(1), 229–242. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-1-229-242.

Received November 5, 2019
Accepted November 20, 2019

© A. A. SABASHNIKOVA, YA. S. LINKOVA

Появившиеся за последние два десятилетия в разных издательствах книжные серии, посвященные повседневности («Живая история. Повседневная жизнь человечества» в «Молодой гвардии» и «Культура повседневности» в «Новом литературном обозрении») свидетельствуют о том, что история повседневности перестает быть лишь одним из направлений современной исторической науки и привлекает широкого читателя. Неизменный интерес вызывает и одноименная передача на радиостанции «Говорит Москва», запущенная в эфир по инициативе издательства «Новое литературное обозрение».

Просветительскую роль серии «Культура повседневности» невозможно не оценить. Действительно, каждая публикация, как сказано на сайте издательства, — «это введение в широкий оборот уникальных материалов современных исследований, переосмысление традиций нашей ежедневной жизни в культурном контексте»[1].

Среди изданий серии — переводы трудов западных ученых, посвященные самым разнообразным явлениям повседневности, истории идей или антропологии. Не претендуя на перечисление всего, назовем навскидку несколько изданий последних лет: пятитомная история частной жизни Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби [Арьес, Дюби 2014–2017], охватывающая историю Запада от античности до XX в., или трехтомная «История тела» под редакцией Алена Корбена, Жан-Жака Куртина и Жоржа Вигарелло [Корбен и др. 2012–2016].

Помимо коллективных монографий, печатаются и книги отдельных исследователей, западных и отечественных. Это может быть скрупулезный труд, посвященный дендизму, где история возникновения и бытования этого явления подается в контексте истории моды, литературы, гендерных вопросов, эстетики и т. д., с привлечением огромного изобразительного материала и исчерпывающим списком научной литературы и источников, как в случае книги О. Б. Вайнштейн [2005]. Или исследование, за десять лет выдержавшее четыре издания, посвященное истории меланхолии, где за описанием чувств проступают история общества и его стереотипы. Книга Карен Юханнисон «История меланхолии» основана на огромном фактическом материале с привлечением медицинских трактатов, литературных персонажей и кинофильмов [Юханнисон 2011]

Разнообразие названий книг, выходящих в серии «Культура повседневности», — от истории левшей [Бертран 2016] до пассажиров «колбасного поезда» [Лебина 2019] — подтверждает, что повседневность становится своеобразным перекрестком, на котором сходятся интересы представителей многих областей гуманитарного знания, а популярность этих изданий у читателя — как подготовленного, так и массового — показывает, что интерес к частной жизни, быту и материальной культуре становится новой формой постижения прошлого. Современное «повседневноведение» все больше склоняется к междисциплинарности и существует на стыке социологии, психологии, антропологии, культурологии, истории и литературы.

В книгах В. А. Мильчиной, опубликованных в серии «Культура повседневности», мы видим воплощение подобной междисциплинарности, которое

[1] https://www.nlobooks.ru/books/kultura_povsednevnosti.

выражено, как будет показано ниже, самым неожиданным образом. Каждая из этих книг имеет свою документальную основу, отличается своим принципом построения, ориентирована на определенную читательскую аудиторию, но в то же время все они объединены общей темой — Париж первой половины XIX в. — и образуют единый цикл, дающий исчерпывающую картину парижской повседневности.

Первая из «парижских» книг В. А. Мильчиной, **«Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь»** (2013), в целом задумана и построена так же, как большинство подобных книг этого и других издательств. За небольшим предуведомлением следуют 27 глав, посвященных самым разным аспектам парижской жизни, а затем двухстраничное заключение, где кратко говорится о грядущих событиях 1848 г., которые положили конец интересующей автора эпохе. Завершают книгу хронология основных событий парижской жизни избранного периода, обширная библиография, список топонимов, список периодических изданий и список иллюстраций. Сами иллюстрации — на каждую главу по несколько гравюр, в том числе известных художников, — раскиданы по тексту книги.

Свое обращение к читателю автор начинает с утверждения: «Эта книга — не научное исследование, а плод чтения разных книг — научных и не очень» (2013, с. 5). Далее объясняется, что научные книги обеспечивают историческую точность, а мемуары, дневники, нравоописательные очерки создают «эффект присутствия», позволяют сделать текст живым и интересным.

Эту авторскую характеристику издания хотелось бы расширить и дополнить. Да, легкий, увлекательный, изящный рассказ В. А. Мильчиной о Париже, разумеется, «не научен», в особенности если понимать под «научностью» академический педантизм и сухость изложения. Однако предложенные вниманию читателя без малого 900 страниц — это лишь верхушка айсберга, подводная часть которого сугубо научна и включает в себя кропотливую работу серьезного исследователя над невероятным количеством текстов того времени, среди которых не только исторические документы, свидетельства очевидцев, публицистика и другие традиционные источники нравоописаний, но и обширный пласт художественной литературы. Авторский текст необычайно органично вбирает в себя множество цитат, порой весьма пространных, но никогда не нарушающих общий строй повествования. Мы слышим голоса известных писателей и безвестных журналистов, французов и иностранцев (по большей части русских, побывавших в эти годы в Париже), но их вкрапление никоим образом не создает стилистического диссонанса; увлеченный сюжетом читатель «глотает» все подряд и смакует пикантные подробности, не спотыкаясь о кавычки.

И тут возникает вопрос, что собой представляет этот увлеченный читатель, кому адресована книга. Однозначно ответить на него нельзя, и в этом, пожалуй, одна из основных особенностей не только этой, но и — еще в большей степени — последующих книг Мильчиной о парижской повседневности. Очевидно, что каждому, кто заинтересуется названием, интересно узнать, как жили, работали, общались и развлекались парижане в эпоху Реставрации и Июльской монархии. Причем в случае, если читатель недостаточно подкован в истории и имеет смутное представление о том, что происходило во Франции

в первой половине XIX в., ни малейшего дискомфорта он не испытывает: первые, «политические» главы книги ненавязчиво заполняют возможные пробелы, рисуя общую историческую картину. И никакой снисходительности, никакого снижения тона; автор находит такой своеобразный ракурс представления событий, что для кого-то они преломляются по-новому, а для кого-то впервые раскрываются во всей своей увлекательной последовательности. В то же время историк литературы или повседневности, историк идей или моды сможет найти для себя фактический материал, необходимую основу для собственных исследований. Примеры, почерпнутые из книг В. А. Мильчиной, всегда придают фактурность и живость лекционным курсам преподавателей. Прошлое начинает играть неожиданными красками, оживает, становится близким и понятным.

Разумеется, некоторые из читателей возьмутся за книгу из любви к Парижу — и тут, помимо массы интересных сведений об истории отдельных мест (мало кто знает, например, что Пале-Руаяль в эпоху Реставрации был пристанищем продажной любви), помимо любопытнейших иллюстраций (чего стоит один лишь проект Ж.-А. Алавуана — слон на площади Бастилии), бросается в глаза одно неожиданное решение: названия улиц и площадей, традиционно передающиеся по-русски транскрипцией, В. А. Мильчина переводит. Во избежание путаницы в конце приводится список топонимов, где восстанавливается соответствие перевода и оригинального названия. Благодаря этому смелому решению упоминающимся в тексте названиям возвращается семантическая связь с той самой повседневностью, которой посвящена книга. Все-таки Кожевенная набережная, Болотная улица или мост Менял создают куда более уютную городскую среду, чем ничего не говорящие русскому уху французские названия. Тот же принцип ляжет в основу книги **«Имена парижских улиц»** (2016), которую можно рассматривать как справочное подспорье ко всей парижской серии и, разумеется, шире — как неоценимый справочник для историков, переводчиков и всех интересующихся Парижем.

Есть, однако, среди интересующихся парижской повседневностью и такие, кто — осознанно или нет — воспринимает французскую историю, Париж и парижан прежде всего через призму французской литературы. Кто-то просто читает романы, кто-то изучает и анализирует их как филолог, но все находят в книгах Мильчиной особый, тончайшим образом проработанный пласт, неизменно удовлетворяющий порой весьма прихотливое любопытство. В «Париже в 1814–1848 годах» эта литературная составляющая только намечена, впоследствии она разрастется настолько, что изменит саму структуру книги. Дело в том, что многие парижские реалии, и в первую очередь человеческие типы, неизменно связаны в нашем сознании с соответствующими реалиями и типами из художественной литературы. Стоит сказать «парижский мальчишка», как неминуемо в памяти всплывет Гаврош. Естественно, об этом сказано и в книге, а заодно, как бы невзначай, приведена вся литературная история слова «гамен» и самого литературного типа, возникшего, как выясняется, задолго до «Отверженных» (1862). Другой пример — «женщины без имени» («женщины легкого поведения», «дамы полусвета», «куртизанки», «лоретки»…), именованию которых — а следовательно, бытованию соответствующих слов в текстах — посвящены увлекательнейшие страницы из главы «Парижанки». Или

такая деталь: оказывается, прежде чем украсить корсаж Маргариты Готье, камелия слыла «фешенебельным» цветком и красовалась в петлице некоего денди-журналиста, прозванного за это «кавалером с камелиями».

С одной стороны, перед нами детали повседневности, отсылающие к литературным образам, а с другой — совершенно неожиданный и исчерпывающий комментарий к литературному тексту.

Следующая книга о парижской повседневности под названием **«Французы, нарисованные ими самими. Парижанки»** (2014) выходит в той же серии «Нового литературного обозрения» годом позже, и имени В. А. Мильчиной на сей раз на обложке нет. В данном случае формально она выступает только как составитель, автор вступительной статьи и редактор переводов, а также как переводчик введения Жюля Жанена. Остальное — плод коллективного творчества, и в этом как раз заключается своеобразие всего издательского проекта.

Книга представляет собой публикацию избранных очерков из восьмитомного сборника, выпущенного в Париже в начале 1840-х годов стараниями издателя Леона Кюрмера. Верная своей парижской теме, В. А. Мильчина ограничивается «столичными» томами, а желание выстроить собственный сюжет и придать русскому изданию цельность и завершенность побуждает ее обратиться к «женским» очеркам, отсюда вторая часть названия — «Парижанки». Как и в оригинальном издании, каждый очерк открывает «тип», т. е. гравюра, изображающая фигуру в полный рост. Об истории издания Кюрмера, о личности издателя, его предшественниках и последователях, о жанровых особенностях сборника, о принципах его построения, об иллюстрациях и иллюстраторах подробно рассказано во вступительной статье; сведения об авторах можно найти в конце книги.

Но главная отличительная черта данного издания — это его переводчики. Вся работа над текстом книги велась в переводческом семинаре Веры Мильчиной, открытом в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ по инициативе и под покровительством французского Национального центра книги и лично Елены Бальзамо[2] в 2012 г. Сведения о переводчиках, помещенные в конце книги, сообщают, что все участники семинара — люди очень молодые и что для большинства из них это первая серьезная переводческая работа. Как именно была организована работа в этой творческой лаборатории, рассказано во вступительной статье. Мы же не можем не подивиться результату: 800 страниц разных авторов XIX в. в переводе 27 начинающих переводчиков читаются на одном дыхании, так что ничто не коробит, не мешает, вообще не напоминает, что текст переводной. Перед нами богатый, красивый, правильный русский язык, следующий классическим правилам синтаксической и лексической сочетаемости, не допускающий каких бы то ни было анахронизмов, но при этом совершенно свободный от искусственной архаизации, естественный и выразительный. Что так умеет переводить В. А. Мильчина, знают многие. Но чтобы так могли переводить дебютанты, их надо не просто

[2] Елена (Орловская) Бальзамо — эссеист, переводчик, доктор филологических наук. Преподаватель Практической школы высших исследований (при Сорбонне), почетный доктор университета Умео (Швеция), действительный член Королевской академии Густава-Адольфа, член-корреспондент шведской Королевской академии исторических наук и изящной словесности.

научить — их надо заинтересовать, влюбить в материал, развить языковое чутье, сформировать навыки работы со справочными изданиями, расширить их фоновые знания, приучить во всем сомневаться и все проверять — да мало ли что еще довелось узнать за два года тем молодым дарованиям, кому посчастливилось заниматься в семинаре Веры Аркадьевны!

Итак, перед нами четыре десятка очерков, описывающие самых разных обитательниц французской столицы, от герцогинь и светских львиц до скромных цветочниц и гризеток. Расположены они в том же порядке, что и в оригинале, т. е. без всякой видимой логики, «в живописном беспорядке». О характере очерков, об их содержании и литературных особенностях исчерпывающе сказано во вступительной статье, нас же интересует прежде всего способ подачи материала, поэтому несколько слов следует сказать о комментариях. Их в книге два вида: постраничные примечания — для имен и реалий, упомянутых однократно, и помещенный за текстом «Список имен, топонимов и культурно-исторических реалий» — для тех, что повторяются в разных очерках. Все они, если верить вступительной статье, — «плод общего творчества» участников семинара (учитывая высочайший научный уровень комментариев, верится с трудом).

Затекстовый комментарий в целом носит более общий характер и содержит сведения о более или менее известных исторических деятелях, мифологических персонажах, а также топонимах. Правда, и здесь встречаются порой любопытнейшие пояснения чисто бытовых деталей: например, о чем могла свидетельствовать растительность на лице и какой формы бороду в какие годы носила свободомыслящая молодежь.

Но настоящий кладезь ценнейших сведений обо всем на свете — это постраничные примечания. Как и следует ожидать, в них комментируются имена собственные, аллюзии на библейские и литературные тексты и, разумеется, реалии. Именно объяснение реалий, т. е. явлений повседневности, которым посвящена книга, разрастается порой в весьма пространный текст, удачно дополняющий очерк, но при этом увлекательный сам по себе. Это может быть генеалогия денди или рассказ о моде на магнетизм и гомеопатию, литературная предыстория имени или правила королевской лотереи. Порой для объяснения какой-нибудь загадочной детали приводятся даже фрагменты других текстов, так что в результате об искусстве кутаться в шаль нам рассказывает русский путешественник, писатель и переводчик XIX в. В. М. Строев. Особое внимание уделяют комментаторы словам и их употреблению — эту черту мы уже отмечали в первой книге Мильчиной. Так, название «женщина хорошего тона» влечет за собой не только подробное толкование французского *comme il faut*, но и рассказ о традиции русских переводов этого выражения с примерами из классики. Узнаем мы и о том, когда во французском языке появилось слово «спорт», о ком и о чем можно было сказать «фешенебельный» и чем французские «светские львы» отличались от английских.

Получается, что комментарии как бы выполняют две функции: с одной стороны, как всякие примечания, они поясняют потенциально непонятное, приближают текст к читателю, облегчают чтение, а с другой — действуют параллельно основному тексту, дополняя, расширяя, углубляя представления читателя в рамках заинтересовавшей его темы.

Еще год спустя в той же серии «Культура повседневности» вышла третья парижская книга — **«Сцены частной и общественной жизни животных. Этюды современных нравов»** (2015), где В. А. Мильчина выступает в качестве переводчика и автора вступительной статьи и комментариев. Опять перед нами нравоописательный сборник XIX в., причем на сей раз опубликованный по-русски почти целиком (23 очерка из 30), — но сборник весьма своеобразный. Во-первых, это плод совместного творчества издателя и составителя П.-Ж. Этцеля и знаменитого рисовальщика Гранвиля — и русская книга включает все полосные иллюстрации, бережно сохраняя общий замысел издания. Во-вторых, это не просто сборник разрозненных очерков разных авторов, но цельное литературное произведение с единым сюжетом. И, наконец, самое главное: как следует из названия, картина нравов XIX в. дана в опосредованной форме, через образы животных.

Прежде всего сам сборник Этцеля и Гранвиля — это остроумный, увлекательный текст, иллюстрированный изысканными и веселыми гравюрами. Читать очерки превосходных авторов в блистательном переводе В. А. Мильчиной и разглядывать картинки — несомненное удовольствие для любого читателя. Перевод здесь особенно важен, так как комический эффект зачастую достигается в результате языковой игры: обыгрываются переносные значения «зоологической» лексики, раскладываются фразеологизмы, реализуются метафоры. Виртуозно владея словом, Мильчина находит самые разные способы передать или компенсировать приемы оригинала, так что текст читается легко и непринужденно и все остроумие сохраняется.

Как и в «Парижанках», разнообразные пояснения к тексту пытливый читатель найдет в постраничных комментариях. Учитывая зооморфный характер сборника, здесь они, пожалуй, играют еще более важную роль. Прежде всего в тексте великое множество скрытых цитат и реминисценций, а упустить, что медведь цитирует Гомера или заяц — Шекспира, было бы обидно. Кроме того, многие примечания отсылают к предыстории образа того или иного животного — научной, псевдонаучной и литературной. И, разумеется, огромный пласт политического подтекста без комментариев мог бы ускользнуть от читателя, не дав ему насладиться веселой пародией. Однако как и в предыдущей книге, Мильчина в постраничных комментариях редко ограничивается самым необходимым. Так, поясняя со ссылкой на «Естественную историю» Бюффона, почему и с каких пор зайца избрали в барабанщики, она не может не рассказать заодно анекдот о дрессированном зайце несчастного сына Людовика XVI.

Значительная часть примечаний носит «литературный» характер, и они вкупе со вступительной статьей делают это издание не просто публикацией малоизвестного нравоописательного текста, но тончайшим исследованием литературной жизни во Франции 1830–1840-х годов. Так, к заголовку каждого очерка дается комментарий, связанный с его автором, причем сведения общего характера — годы жизни, чем известен и т. п. — сопровождают только малоизвестные имена, в случае же знаменитых писателей примечание содержит рассказ о взаимоотношениях автора с издателем, о возможных перекличках с другими, более известными его произведениями, о связанных с очерком любопытных фактах биографии автора, о его участии в других подобных изданиях и множество иных интересных деталей. В результате набирается ценнейший

материал, связанный уже не столько с бытом и нравами, сколько с самим писателем и его участием в литературном отражении повседневности. Прибавим к этому отсылки к перекличке текстов как внутри сборника, так и с другими текстами нравоописательного характера, а также сопоставление вариантов одного и того же рассказа в разных изданиях сборника, и получим ценнейший научный аппарат, совершенно уникальный, поскольку во Франции ни одно издание «Сцен» примечаний не удостоилось.

Исчерпывающая характеристика сборника Этцеля — Гранвиля как издательского проекта и литературного произведения дана во вступительной статье В. А. Мильчиной, где книга рассматривается в контексте целой традиции визуального и словесного изображения людей в зверином обличии, а также сопоставляется с другими нравоописательными сборниками, в частности, с «Французами, нарисованными ими самими». Читателю, знакомому с «Парижанками», в особенности если он не поленился прочитать предисловие, несомненно, будет интересно узнать о том, как Этцель вознамерился соперничать с удачливым издателем «Французов», и сопоставить перекликающиеся гравюры на фронтисписах обоих сборников.

Но, пожалуй, самое тонкое наблюдение автора — это то, что она уловила перекличку «звериного» сборника с романтическими настроениями эпохи. Как убедительно продемонстрировано в статье, каждый мохнатый или пернатый герой в своем автобиографическом рассказе оказывается не больше не меньше в ситуации героя европейского романтизма, и в итоге «зоологическая метафора призвана показать иллюзорность политических утопий и романтических порывов» (2015, с. 42). Таким образом, автор не только выявляет нравоописательную составляющую публикуемых сборников, но и рассматривает их в контексте «большой литературы» — как особый жанр, чутко реагирующий на основополагающие умонастроения эпохи.

Последняя (на данный момент) книга парижской серии называется **«Парижане о себе и своем городе: “Париж, или Книга Ста и одного” (1831–1834)»** (2019). Снова выборочная публикация нравоописательных очерков из многотомного коллективного сборника 1930-х годов (кстати, не раз упомянутого в предисловиях и примечаниях к предыдущим книгам), иллюстрированная гравюрами и снабженная подробными и содержательными комментариями, однако структура книги, да и сам тип издания на сей раз иные. Если «Парижанки» и «Сцены…» — это прежде всего публикация текстов XIX в. с научным аппаратом, в том числе вступительной статьей, то теперь перед нами полновесная научная монография, сопровождаемая переводом 15 очерков из 15-томного сборника, которому она посвящена.

Выше мы уже затрагивали вопрос, кому адресованы книги В. А. Мильчиной, и обратили внимание на то, что при всей своей занимательности они всегда имели чем порадовать самого взыскательного знатока истории и словесности. В последнем издании научность возобладала над популярностью — а занимательность все же осталась в неизменном виде, и у любознательного, но не сильно искушенного читателя по-прежнему остается возможность насладиться пикантными подробностями парижского быта, обращаясь по мере надобности к постраничным примечаниям, к сведениям об авторах, открывающим каждый очерк, а при желании и к основному тексту исследования.

Ведь в каком бы жанре ни писала В. А. Мильчина — научном или популярном, — легкость ее пера, изящество слога, бережное отношение к материалу, остроумие, проникающее в самый что ни на есть научный дискурс, — иными словами, ее неповторимый тонкий исследовательский почерк делает любой ее текст увлекательным для любого читателя.

Исследование открывается небольшим предисловием, где критически рассматриваются существующие в современной науке определения того пласта литературы, к которому относится «Книга Ста и одного». Перечислив все достоинства утвердившегося термина Вальтера Беньямина «панорамическая литература», автор уделяет внимание и предложенным его оппонентами определениям «калейдоскопическая», «социографическая» литература; рассматривает даже русский «физиологический очерк», но тут же убедительно демонстрирует, что ни одно из определений не охватывает всей полноты явления, и тактично уходит от терминологической точности, остановившись на нейтральном «парижеописании».

Глава, посвященная издателю Ладвока, сама по себе необычайно занимательна, и читатель, интересующийся парижской повседневностью, найдет в ней еще один портрет, который прекрасно дополняет галерею образов, описанных в самом сборнике. Опираясь на множество документов, обильно цитируя современников, Мильчина увлекательно рассказывает биографию ловкого и амбициозного предпринимателя, а заодно знакомит читателя с издательским производством того времени и вписывает деятельность своего героя в исторический и культурный контекст эпохи.

Всестороннему анализу сборника «Париж, или Книга Ста и одного» посвящена третья, самая большая глава, и тут перед читателем раскрывается во всей своей полноте целый пласт литературы, составить представление о котором до этого у него просто не было возможности. Хотя полностью в книгу включены лишь 15 очерков из 256, благодаря классификациям, описаниям, сопоставлениям и пространным цитатам, всегда привлекаемым по делу и читающимся на одном дыхании, начинаешь ощущать себя причастным колоритному миру исторического Парижа, где сама В. А. Мильчина, кажется, чувствует себя как дома.

Что же касается контекста, то сколь бы скромно автор ни уверял, что вовсе не претендует на всеохватность, материал привлекается колоссальный, и это далеко не только коллективные сборники 1830–1840-х годов о Париже (про них читатель узнает все), но и более ранние тексты, посвященные Парижу, нравам или человеческим типам. Столь широкий фон служит автору как для определения основных тенденций развития «парижеописания» до и после «Книги Ста и одного», так и для выявления уникальных черт самого сборника. В этом направлении Мильчиной сделаны удивительно тонкие и совершенно оригинальные наблюдения, об одном из которых хочется сказать подробнее.

Одной из отличительных черт замысла Ладвока, как показывает автор, еще его современники считали принципиальную установку издателя на соединение под одной обложкой совершенно разных по возрасту, положению, политическим взглядам и эстетическим установкам авторов. Однако все это многоголосие не приводит к конфликтам и ссорам, столь частым в чрезвычайно политизированной Франции 1830-х годов, и в этом исследовательница видит

«новую инкарнацию салонной общежительности» (2019, с. 161). Доказательство этой мысли виртуозно: от краткой характеристики салонов XVIII в. — к «мифу о салоне», перешедшему в век XIX, потом об отражении этого мифа в пяти очерках «Книги…» с блестящей демонстрацией того, как ее автор описывает идеальный салон, не понимая и не одобряя его в силу своей принадлежности другому поколению; и наконец вывод, что сама конструкция сборника, предполагающая мирное сосуществование диаметрально противоположно настроенных авторов, выстроена по модели идеального салона: «Ладвока создал аналог мифологизированного салона, приютив людей противоположных взглядов под одной обложкой» (2009, с. 207).

Однако контекстом для «Книги Ста и одного» служит не только литература о парижской повседневности. В главе, посвященной жанровой природе сборника, В. А. Мильчина сопоставляет тексты сборника и с газетными публикациями нравоописательного характера, и с беллетристикой того времени, наглядно и убедительно показывая, как под одной обложкой уживаются не только элементы самых разных жанров, но и противоположные тенденции развития очерка парижских нравов. Примеры сюжетов из разных томов 15-томника демонстрируют, что текст, начатый как «парижеописательный» очерк, мутирует иной раз в «неистовую» новеллу, притчу и водевиль. По утверждению автора, это идет вразрез с общей эволюцией «парижеописания», которое после «Книги Ста и одного» всячески стремилось от беллетризации, наоборот, освободиться.

В ракурсе того, что сказано на 300 страницах последней книги, все написанное В. А. Мильчиной ранее приобретает неожиданное звучание. Если первая книга просто повествует о частной жизни, а вторая и третья предлагают выборочные публикации сборников о парижской повседневности с обширным комментарием, то последняя книга представляет собой уже самостоятельное исследование целого пласта нравоописательной литературы. Автор не только анализирует сам текст, но и воссоздает всю историю его бытования в определенный период французской истории, посвящая читателя в тонкости издательского дела и уделяя особое внимание адресату подобных текстов и их рецепции.

Соединяя разрозненные нити, Мильчина сплетает в один изящный узор пикантные детали парижского быта, их литературное описание, любопытные подробности из жизни бытописателей, рождение, становление и процветание бытоописательных изданий, их перекличку с другими литературными и нелитературными текстами и восторженное восприятие их современниками. Публикуемые тексты, ныне практически забытые, пользовались в свое время невероятной популярностью у обывателя XIX в. — не того, который увлечен высокими романтическими идеалами, а именно типичного среднестатистического читателя, которому нравилось узнавать себя, окружающих, свой город, среду, нравы. Каждый элемент этого узора представляет собой нечто обыденное, происходящее изо дня в день, размеренное течение жизни, которое современнику приносит радость узнавания, а исследователю наших дней, будь то историк, социолог, антрополог, филолог или культуролог, дает возможность подойти к постижению прошлого с позиций современной гуманитарной науки, т. е. через изучение частных явлений выйти на определение общих исторических тенденций.

Но есть у парижской серии и другая особенность, подсказанная во многом самим материалом. Ведь Париж, как уже говорилось выше, — это не просто город, для многих искушенных читателей — это также (если не в первую очередь) литературный текст. Об этом Мильчина никогда не забывает, и в каждой из книг неизменно присутствует некий литературный сюжет. Где-то примечание, призванное прояснить ту или иную реалию, разрастается до литературного комментария, отсылающего к хорошо известному произведению или герою, так что читатель испытывает интеллектуальное наслаждение от неожиданно нового нюанса в том, что казалось хорошо знакомым. Где-то литературная фигура первой величины — например, Бальзак — предстает перед читателем в непривычном окружении более скромных собратьев по перу, что заставляет по-новому взглянуть и на самого писателя, и на литературную жизнь того времени. И наконец, весь этот бытоописательный пласт постоянно рассматривается в контексте ведущих литературных тенденций, прежде всего романтизма. Справедливо утверждая, что это течение с его культом оригинальности не распространялось на всю литературу того времени, а бытописание с его установкой на типичное развивалось самостоятельно, автор тончайшим образом прослеживает, как некоторые романтические коллизии все же проникают в саму ткань текстов, напрямую с романтизмом никак не связанных.

Иными словами, парижская повседневность под пером В. А. Мильчиной — это благодатный материал для представителей разных областей гуманитарного знания, а для искушенного ценителя словесности — это еще и возможность выйти за рамки проторенных дорог в изучении литературного процесса, познакомиться с малоизученным пластом литературы «второго плана», а зачастую открыть для себя нечто новое в прославленных шедеврах и пересмотреть устоявшиеся общие места, мифы, стереотипы.

Обращение к литературе в рамках культуры повседневности не ново. Ново то, что в центре исследования — сама литература.

Литература

Арьес, Дюби 2014–2019 — История частной жизни: [В 5 т.] / Под общ. ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия; под ред. П. Вейна / П. Вейн и др.; Под ред. В. Михайлина; Пер. с фр. Т. Пятницыной, Г. Беляевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса; под ред. Ж. Доби / Д. Бартелеми и др.; Пер. с фр. Е. Решетниковой, П. Каштанова. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения; под ред. Р. Шартье / Ф. Арьес и др.; Пер. с фр. М. Неклюдовой, О. Панайотти. М.: Нов. лит. обозрение, 2016. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны; под ред. М. Перро / А. Корбен и др.; Пер. с фр. О. Панайотти. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. Т. 5: От I Мировой войны до конца XX века; Под ред. А. Про, Ж. Венсана / С. Боди-Жандро и др.; Пер. с фр. О. Панайотти. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.

Бертран 2016 — *Бертран П.-М.* Зеркальные люди: История левшей / Пер. с фр. К. Щербино. 2-е изд. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

Вайнштейн 2005 — *Вайнштейн О.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Нов. лит. обозрение, 2005.

Корбен и др. 2012–2016 — История тела: В 3 т. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло; Пер. с фр. М. Неклюдовой, А. Стоговой. М.: Нов. лит. обозрение, 2012–2016.

Лебина 2019 — *Лебина Н.* Пассажиры колбасного поезда. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.

Юханнисон 2011 — *Юханнисон К.* История меланхолии: о страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матыциной. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.

References

Ar'es, F; Diubi, Zh. (Eds.) (2015–2019). *Istoriia chastnoi zhizni* [Trans. from Ariès, P., Duby, G. (1999). *Histoire de la vie privée*, (Vol. 1) *De l'Empire romain à l'an mil*, (Vol. 2) *De l'Europe féodale à la Renaissance*, (Vol. 3) *De la Renaissance au Lumières*, (Vol. 4) *De la Révolution à la Grande Guerre*, (Vol. 5) *De la Première Guerre mondiale à nos jours*. Paris: Seuil]. T. Piatnitsyna, G. Beliaeva, E. Reshetnikova, P. Kashtanov, M. Nekliudova, O. Panaiotti (Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Bertran, P.-M. (2016). *Zerkal'nye liudi: Istoriia levshei* [Trans. from Bertrand, P. M. (2001). *Histoire des gauchets. Des gens à l'envers*. Paris: Imago]. K. Shcherbino (Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Iukhannison, K. (2011). *Istoriia melankholii: o strakhe, skuke i chuvstvitel'nosti v prezhnie vremena i teper'* [Trans. from Johannisson, K. (2009). *Melankoliska rum. Om ångest, leda och sårbrarhet i förfluten tid och nutid.* Stockholm: Albert Bonniers förlag]. I. Matytsina (Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Korben, A., Kurtin, Zh.-Zh., Vigarell, Zh. (Eds.) (2012–2016). *Istoriia tela* [Trans. from Corbin, A., Courtine, J.-J., Vigarello, G. (2011) *Histoire du corps*. Paris, Seuil] (3 Vols.). M. Nekliudova, A. Stogova (Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Lebina, N. (2019). *Passazhiry kolbasnogo poezda* ['Sausage train' passengers]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Vainshtein, O. (2005). *Dendi: moda, literatura, stil' zhizni* [The dandy: Fashion, literature and lifestyle]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Анна Ароновна Сабашникова
кандидат филологических наук
старший преподаватель,
Департамент истории и теории литературы,
факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия; 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
*Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22820*
✉ *asabashnikova@hse.ru*

Information about the authors

Anna A. Sabashnikova
Cand. Sci. (Philology)
Senior Lecturer, Department of Literary History and Theory, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str., 21/4, Bld. 1
*Tel. + 7 (495) 772-95-90 *22820*
✉ *asabashnikova@hse.ru*

Яна Сергеевна Линкова
кандидат филологических наук
доцент, Департамент истории
и теории литературы, факультет
гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия; 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
*Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22902*
✉*yalinkova@hse.ru*

Yana S. Linkova
Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department of Literary
History and Theory, National Research
University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, Bld. 1
*Tel. + 7 (495) 772-95-90 *22902*
✉*yalinkova@hse.ru*